

В. Г. Белинский

**Очерки бородинского
сражения (Воспоминания
о 1812...**

Виссарион Белинский

**Очерки бородинского сражения
(Воспоминания о 1812 годе)**

«Public Domain»

1839

Белинский В. Г.

Очерки бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году) /
В. Г. Белинский — «Public Domain», 1839

Это первая статья Белинского в отделе критики «Отечественных записок». Статья об «Очерках Бородинского сражения» Ф. Глинки (равно как и о «Бородинской годовщине» Жуковского) вызвала недовольство в передовых общественных и литературных кругах. Впоследствии Белинский указывал, что его статья об «Очерках...» Глинки «верна в своих основаниях» (признание закономерности исторического развития), но ошибочна по выводам, поскольку в ней «должно было бы развить и идею отрицания, как исторического права», то есть показать, что такой общественный порядок, как русское самодержавие, таит в себе элементы своего отрицания, что он – временный, преходящий.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Виссарион Григорьевич Белинский

Очерки бородинского сражения

(Воспоминания о 1812 году)

Сочинение Ф. Глинки, автора «Писем русского офицера». Москва.
1839

Народ не есть отвлеченное понятие: народ есть живая особность, духовная организация, которой разнообразные жизненные отправления служат к единой цели. Народ есть *личность*, как отдельный человек. Каким образом *люди* стали *народами*, частные индивидуальности слились в общие массы и, так сказать, исчезли в них?.. Вот одни из тех вопросов, решение которых не подлежит ни историческим разысканиям, ни исследованиям рассудка, опирающимся на опыт. Спросите человека, как он явился на свет: может ли он вам ответить на этот вопрос? Он существовал еще во чреве своей матери, но не зная о своем существовании; он существовал еще бессмысленным и бессловесным ребенком, но не зная о своем существовании; он даже не помнил своего младенчества, когда уже язык его лепетал несвязные речи, а юная душа принимала уже разнообразные впечатления бытия; он едва-едва помнит себя даже выходящим из младенчества, уже развивающимся своими духовными способностями; его сознательное существование начинается с черты, разграничивающей отрочество и юношество. Вот почему каждый человек всегда начинает свою историю словами: «С тех пор, как я начал себя помнить», и вот почему самая эпоха его сознания еще так неопределенна, представляя собою какой-то утренний полусумрак, и только в периоде юношества делается ясным и светлым утром. Так точно и народ не в состоянии отвечать самому себе на вопрос: откуда он произошел, как он явился? Нам скажут, что людей свели взаимные нужды, заставившие их взаимными уступками, для обоюдной выгоды, ограничить свою свободу и принять свою естественную форму. Прекрасно, но ведь и дитя не бежит от своих родителей, от своего семейства, бессознательно чувствуя свою нужду в них, хотя и отвращаясь лозы и власти их, а между тем оно все-таки не помнит, как это сделалось, что оно стало членом своего семейства, а чрез него и членом своего государства. Другие нам скажут – и это будет еще справедливее, – что исходным пунктом соединения людей в общество было бессознательное влечение человека к человеку, врожденное ему от природы, а взаимная нужда друг в друге только укрепила и довершила это соединение. Прекрасно, но ведь и младенец, прежде нежели он почувствовал нужду в своей матери или няньке, влекся к ним бессознательным чувством, а между тем, ставши полным человеком, он все-таки не помнит, как это сделалось, и даже не помнит черты, разделяющей конец его бессознательности с началом его сознательности. Очевидно, что народ рождается бессознательно, проходит все возрасты человека, то есть сперва бывает зародышем или *возможностью*, из которой, как растение из семени, организуется младенец, лелеемый матерью-природою, из младенца делается отроком и наконец доживает до того момента своего существования, с которого начинает говорить: «С тех пор, как я начал себя помнить». Вот почему начало, или, лучше сказать, *зачатие* всех народов решительно ускользает от взоров истории, и все усилия рассудочных мыслителей схватить его остаются тщетными; вот почему в истории каждого народа есть период баснословный и полубаснословный, или доисторический и полуисторический, который так незаметно сливается с историческим, что невозможно уловить черты, разделяющей их. Много было теорий о происхождении политических обществ, особенно много их было у французов, в их «философском» XVIII веке. Эти теории принесли великую пользу, доказав бесполезность и нелепость стремления объяснить опытом не подлежащее опыту, сделать ясным рассудку недоступное для рассудка. Таким же точно образом силились объяснить происхождение языка. Сознав, что слово основано на непреложных законах разума, заклю-

чили из этого, что явление слова было результатом сознания его законов, то есть что оно было сочинено, придумано, изобретено, как, например, паровые машины сочинены, придуманы и изобретены вследствие сознания силы паров. Нелепая мысль была распространена до того, что стали хлопотать о сочинении или учреждении универсального языка, в котором были бы все свойства, составляющие особенность каждого языка отдельно, и который, поэтому, заменил бы все языки и был бы общим ученым языком. Разумеется, это предприятие кончилось тем же, чем кончилось строение вавилонского столба: не осталось даже и обломков гордого здания, имевшего целью соединить небо с землею. Кроме того, силились найти первобытный человеческий язык и пустили в ход сказку о Псамметихе, прибегнувшем к странному способу для разрешения этого неразрешимого вопроса и допытывавшегося через него, что первобытный язык был – *фригийский*^[1]. Потом основали образование языка из междометий и почтили себя в состоянии ясно, определительно показать весь исторический ход развития языка, как собрания *условных знаков* для выражения понятий. Остановите ваше внимание на эпитете «условный», и вы поймете причину этого заблуждения! Всякое условие бывает сознательно и есть заранее предположенное намерение, предположенная цель, наконец, договор. Человек почувствовал необходимость сообщить свои мысли подобным себе: вот и давай условливаться, лошадь называть лошастью, собаку собакою и так далее. Прекрасно; но разве в целом обществе людей только одному предоставлено было право предлагать условия, а всем прочим только принимать их на кланяться, приговаривая: «Так-с, батюшка, так – слушаем-с: это лошадь, а это собака»?.. И как один человек мог согласить многих? а если многие вздумали соглашать многих, то как же они успели согласиться? Кроме того, как бы это ни вышло, через одного или многих, но если эти «условия» не имели причины в самих себе, то есть не основывались на непреложной внутренней необходимости, то они были случайны, а следовательно, и бессмысленны; но мы знаем, что каждый язык, отдельно взятый, основан на непреложных законах и что все языки, несмотря на их различие, основаны на одних и тех же началах, почему человек одного народа и может выучиваться языку другого народа... Нет, язык был дан человеку как откровение, а не найден им как изобретение. Если человек явился в мире существом разумным, то необходимо и словесным, потому что слово есть разум в явлении^[2]. Человек владел словом еще прежде, нежели узнал, что он владеет словом; точно так же дитя говорит правильно, грамматически, еще и не зная грамматики, следовательно, еще не зная, что оно говорит правильно, грамматически. Слово человеческое есть одно из тех явлений действительности, которые в самих себе скрывают причину своего явления, которые органически возникают и развиваются из себя и вне себя не имеют причины и которых рождение есть, поэтому, тайна. Действительность, как явившийся, отелесившийся разум, всегда предшествует сознанию, потому что прежде нежели сознавать, надо иметь предмет для сознания. Вот почему естествознание, или учение о природе, явилось гораздо после самой природы, грамматика после языка, история после пережитой народами жизни. Все что ни есть – есть или являющийся разум (разум в явлении), или сознающий разум (разум в сознании). Дело сознающего разума – сознавать действительность, а не творить ее, и потому разум пишет грамматику, а не сочиняет языка, пишет трактат об организации общества, а не создает общества. Как невозможно сочинить языка, так невозможно и устроить гражданского общества, которое устроится само собою, без сознания и ведома людей, из которых оно складывается. Всякое явление действитель-

[1] Сказка о Псамметихе – легенда, рассказанная в «Истории» Геродота (ч. I, кн. 2 «Евтерпа», § 2). Египетский фараон Псамметих I, желая узнать, какой народ и какой язык являются древнейшими, приказал двух новорожденных младенцев поместить в хижину, изолировав от людей. Их кормил и за ними молча наблюдал в течение двух лет козий пастух. Однажды, когда пастух вошел в хижину, мальчики бросились к нему и закричали: «бекос». Оказалось, что «бекос» – это по-фригийски «хлеб».

[2] Справедливо критикуя идеалистические теории происхождения языка, Белинский приблизился к научному решению проблемы: он настаивает на тесной связи языка и мышления, как формы и содержания, на одновременности возникновения мышления и звукового языка.

ности, из самого себя возникшее, рождается и развивается органически; всякое изобретение делается механически. Первое есть вдохновенный порыв духа осуществиться в действительности; второе есть расчет рассудка, основанный на соображении вероятностей. Материалисты XVIII века хотели объяснить происхождение мира механическим сцеплением атомов, механическим процессом взаимодействия тяжести и выходящих из нее математических законов стремлений; но это *объяснение* только *затемнило* сущность дела, потому что, отличаясь внешнею ясностью, отличалось внутренним мраком. И как же тут быть свету, а не мраку, когда они в мироздании видели только какие-то блоки, веревки, гвозди и клей, а не горячую кровь и полные электричества нервы, – мертвый скелет, а не живой организм, как выражение движущегося в нем духа жизни?^[3] Автомат делается механически, и потому он труп без жизни; организм человека развивается динамически, и потому в нем веет, движется дух жизни. В зародыше, из которого рождается человек, заключен дух жизни, самодеятельно, из самого себя развивающийся в определенные формы во чреве матери, как развивается динамически, то есть собственно самодеятельностью, зерно, положенное в землю, и становится деревом. То и другое требуют для своего развития внешнего вещества – питания, но это внешнее перерабатывают и претворяют в свою собственность, в свои соки, кровь и плоть, и это внешнее опять развивают из себя: так точно происходит и народ. Его духовная организация параллельна телесной организации младенца и дерева, примеры которых мы нарочно привели. Сущность жизни в зерне жизни, а это зерно – божественная идея, из сферы возможности переходящая в сферу действительности, из *небытия* осуществляющаяся в *бытие*, по глаголу священного писания: «Бог создал мир сей из *ничего*»...^[4]

Начиная от времен, о которых мы знаем только из истории, до нашего времени не было и нет ни одного народа, составившегося и образовавшегося по взаимному сознательному условию известного числа людей, изъявивших желание войти в его состав, или по мысли одного какого-нибудь хотя бы и гениального человека^[5]

---

^[3] Белинский имеет в виду теории механического материализма, в которых не была выявлена специфика исторических процессов и на явления общественной жизни переносились законы природы.

^[4] См. Деяния святых Апостолов, 17, 24.

^[5] Белинский возражает здесь теории «общественного договора» Руссо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания